

УДК 821.161.1-7+929Салтыков-Щедрин+929Ильф+929Петров

ТРАДИЦИИ М. Е. САЛТЫКОВА-ЩЕДРИНА В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ И. ИЛЬФА И Е. ПЕТРОВА НАЧАЛА 1930-Х ГОДОВ

Т. В. Белова

Тверской государственный университет
кафедра истории русской литературы

В статье рассматривается влияние сатирической традиции М. Е. Салтыкова-Щедрина на произведения И. Ильфа и Е. Петрова конца 1920-х – начала 1930-х годов. Особое внимание уделяется функционированию «чужого слова» в рассматриваемых произведениях.

Ключевые слова: *«чужое слово», интертекстуальность, гротеск, пародия, традиция*

Известно, что в начале 1928 года И. Ильф и Е. Петров закончили роман «Двенадцать стульев» и сатирическую повесть «Светлая личность». Однако критика обошла вниманием эти произведения. В течение года не появилось ни одной серьёзной рецензии. Эти неудачи, как тогда казалось писателям, заставили их искать новые художественные ходы [12, с. 46–52]. Результатом поисков стал сатирический цикл рассказов «Необыкновенные истории из жизни города Колоколамска», отличавшихся особой гротесковой манерой. Безусловно, уже название произведения вызывало определённые читательские ассоциации, связанные с «Историей одного города» М. Е. Салтыкова-Щедрина, поднимавшей одну из важнейших проблем русского общественного сознания – вопрос о «темноте» русского народа [10, с. 84–93]. Эта проблема оставалась актуальной и для И. Ильфа и Е. Петрова и, по нашему мнению, осознавалась ими в свете традиций М. Е. Салтыкова-Щедрина.

Тематически «Необыкновенные истории» были близки произведениям сатириков, созданным ранее («Двенадцать стульев», «Светлая личность», «1001 день, или Новая Шахерезада»). Одной из основных тем этих произведений была тема обывательского быта, отсталости и дикости определённых слоёв населения. В художественном же плане на смену гиперболе и иронии, которые преобладали в «Двенадцати стульях», приходит фантастический гротеск, утрачивающий хорошо знакомые светлые, весёлые тона, присущие таланту Ильфа и Петрова, и сближается с щедринским.

Фантастика в «Необыкновенных историях» – это фантастика бессмыслицы, до которой может дойти злобствующая дикость мещанина. В поистине необыкновенных историях, случающихся в бредовом городе Колоколамске, вскрываются одна за другой ненавистные писателям черты обывателей, «доведённые до их логического конца, до выражения в действии, которого не могло быть на самом деле, но которое лучше всего отве-

чало бы этим чертам» [12, с. 56]. Это прежде всего трусливое лицемерие и внешнее приспособленчество обывателей, в которые переродились обычная глуповская восторженность и обычное глуповское легкомыслие.

«Новые» черты колоколамцев запечатлены в пародийной колоколамской географии. Улицы и площади города снабжены названиями, в которых старая терминология причудливо смешивается с новой: здесь Членская площадь и площадь Спасо-Кооперативная, Большая Месткомовская улица, а также улицы Малая Бывшая и Большая Бывшая, Старорежимный бульвар, Храм Выявления Христа, Крестовыдвиженческая Церковь и одноимённый проспект. Позже некоторые из этих названий «перекочуют» в роман «Золотой телёнок» и будут соседствовать с Малой Касательной улицей, Новозайцевским трактом.

Если основными качествами глуповцев были неиссякаемое терпение и слепая вера в начальство, то у колоколамцев они деформировались в соответствии с политическими веяниями. Теперь это страх и способность приспособиться к любой власти «применительно к подлости». Так, герою рассказа «Страшный сон» приснилось, что «на стыке Единодушной и Единогласной улиц повстречались с ним трое партийных в кожаных куртках, кожаных шляпах и кожаных штанах» [4, с. 31]. К изумлению Завиткова, главного героя рассказа, они кланялись ему в пояс. В другом же сне председатель Губисполкома целовал ему руку. Горожане, узнав содержание снов, принимают единогласное решение, связать Завиткова и продать, а то «как бы чего не вышло» [4, с. 31].

Следуя щедринской традиции, авторы «Невероятных историй» пытаются создать гротескный образ города, в котором нашли воплощение негативные стороны современности. Статус города, как и его местонахождение, подобно Глупову, постоянно меняются: от города-призрака до влиятельного государства. В небольшой справке о Колоколамске говорится, что он «находится как раз между РСФСР и УССР так, что не нанесён на географические карты ни одной из этих дружественных и союзных республик» [4, с. 22]. В других рассказах Колоколамск обозначен как пригород столицы: жители читают только московские газеты, следят за московской погодой. В рассказе «Синий дьявол» Колоколамск – это некая международная сила, жители города вступают в своеобразный поединок с иностранным государством – Клятвией. «Колоколамцы затаскали Клятвию по судам. Страна погибла» [4, с. 27].

Колоколамцы Ильфа и Петрова в своём безумии и нравственной одичалости совмещают в себе черты щедринских глуповцев и глуповских градоначальников: ограниченность и забитость, мракобесие и глумление над всем, что несёт в себе здоровые жизненные силы. Так, колоколамцы добровольно отказались от целебного источника, который практически приватизировал городской начальник. Да и как же иначе, если даже птицы «воздавали хвалу городским властям. Колоколамские птички, подобно гражданам, всей душой любили власть имущих» [4, с. 42]. Если в «Светлой

личности», кроме смеха, был ещё один «положительный герой» – страх разоблачения, заставлявший трепетать нэпманов и бюрократов, то в колоколамских рассказах его нет.

Отдельные характеристики и ситуации из рассказов о Колоколамске были позже использованы авторами в главах о «Вороньей слободке» в «Золотом телёнке». Здесь не целый город, а лишь одна квартира становится средоточием колоколамских сюжетов. Само название «Воронья слободка» переключало из «Необыкновенных историй», сохранив тот же смысл. Небезызвестный Васисуалий Лоханкин, размышляющий о своей роли в русской революции, – персонаж, родившийся на страницах «Необыкновенных историй». Именно там читатель знакомился с гробовщиком Лоханкиным, из изделий которого был построен Ноев Ковчег.

Безусловно, ориентируясь на Щедрина в своих рассказах о Колоколамске, Ильф и Петров остаются оригинальными. Ирония писателей видима и тяготеет к шутке, тогда как ирония Щедрина глубока и саркастична. Это становится ясным, если обратиться к отдельным художественным приёмам, характерным для творчества этих писателей. Речь идёт об использовании «чужого слова». На этот приём неоднократно обращали внимание и щедриноведы, и исследователи творчества Ильфа и Петрова [1; 5; 9; 12]. Понятно, что введение «чужого слова» в канву собственных произведений не было открытием Салтыкова-Щедрина: вспомним сатирическую традицию Козьмы Пруткова, «Свистка», «Искры». Однако эта стилевая манера закрепилась в сознании русского читателя именно за Щедриным. Логично предположить, что художественный опыт сатирика использовался Ильфом и Петровым на протяжении всего творчества.

«Чужое слово» у Щедрина и советских сатириков функционирует в тексте разнообразно, но чаще всего как традиционное цитирование.

М. Е. Салтыков-Щедрин «Современная идиллия»:

«Но когда мы дошли до площади Александринского театра, то душевный наш уровень опять поднялся. Вновь вспомнили старика Державина:

Богородная царевна
Киргиз-кайсацкия орды,
Которой мудрость несравненна...» [8, т. 15, кн. 1, с. 17].

Ильф и Петров «Двенадцать стульев»:

«Напряжённо вытянув сухие шеи и глядя на стоявшего в центре человека в цветущем возрасте, старухи пели:

Слышен звон бубенцов издалека.
Это тройки знакомый разбег.
А вдали простирался широко
Белым саваном искристый снег» [2, с. 94].

Очень часто «чужое слово» используется как штамп, привычная фраза, и её смысл полностью зависит от контекста, в который она помещена. Например, герой щедринской «Современной идиллии» Иван Иванович

Очищенный, бывший тапёр, ныне вольнонаёмный редактор газеты «Краса Демидрона», рассказывая историю своей жизни, подчёркивает древность своей фамилии. Используя пушкинские строки из стихотворения «Клеветникам России», Щедрин иронизирует над генеалогическими претензиями русской аристократии: «Словом сказать, в моём роде всё шло обыкновенным генеалогическим порядком как и у всех вообще Гадюков, “от хладных финских скал до пламенной Колхиды”» [8, т. 15, кн. 1, с. 74]. В рассказе же «Дети Москвы» в пушкинской фразе заключён уже иной смысл. Она означает мошенничество или кражу казённых денег: «Под влиянием “упойтельных напитков” мы уже не могли в это время отличить воды от суши, дороги от забора, то очевидно, что подобная же неясность должна была закрасться и наши понятия о своём и чужом. Начали пропадать земские деньги <...> От “хладных финских скал до пламенной Колхиды”, повсюду слышалась одна и та же до незатейливости однообразная песня: Унесли!» [8, т. 12, с. 376].

Подобный приём обнаруживается у Ильфа и Петрова. Так, в «Золотом телёнке» несколько раз появляется известное некрасовское выражение «Сейте разумное, доброе, вечное» [6, с. 370]. В первом случае эта фраза используется как штамп, хотя и в ироничном ключе: «Ах, дети, милые дети лейтенанта Шмидта, почему вы не читаете газет? Их нужно читать. Они довольно часто сеют разумное, доброе, вечное» [3, с. 51]. Во втором случае эта же фраза является развёрнутой метафорой и звучит ещё более иронично. Прощаясь с Феофаном Мухиным, художником группы «Диалектический станковист», работавшим не красками, а исключительно овсом, комбинатор произносит: «Сейте разумное, доброе, вечное, а там посмотрим!» [3, с. 76].

«Чужое слово» становится у сатириков и средством характеристики персонажа, и способом создания новых образов, и средством сатирического обличения. Интертекстуальность и у Ильфа и Петрова, и у Салтыкова-Щедрина служит не только целям пародирования, но и, прежде всего, основой формирования новых смыслов. Так, шекспировская фраза «Что мне Гекуба?» [11, с. 69] и строки из романа на стихи Я. П. Полонского («Что мне она! – не жена, не любовница, // И не родная мне дочь!» [7, с. 458]), наполненные трагическим смыслом в устах Остапа Бендера, превращаются в фарс, вызывают комический эффект: «Я вам передачи носить не буду. Имейте это в виду. Что мне Гекуба? Вы мне, в конце концов, не мать, не сестра и не любовница» [2, с. 278].

У Салтыкова-Щедрина высокопарная шекспировская фраза звучит как пародия, подчёркивая шаржированный характер «корреспондента» Подхалимова, сотрудничающего с газетой «Краса Демидрона». Салтыков иронично характеризует героя как талантливого, добросовестного и, главное, непьющего человека: «Содержатель буфета, узнав, что я отправляюсь через Рыбинск на Дунай, от всей души предложил мне графин очищенной, причём наотрез отказался от уплаты по таксе. <...> Что я содержателю бо-

логовского буфета? Что он мне? И вот, однако ж, оказывается, что между нами существует невидимая духовная связь...» [8, т. 12, с. 218].

Подобных примеров и параллелей много. Но следует заметить, что при всей активности использования «чужого слова», близости форм и приёмов, существует принципиальная разница. Сатира Ильфа и Петрова юмористична. Установка на смех, не убивающий, но обнажающий отрицательные общественные явления, делает использование «чужого слова» одним из комических приёмов. Именно об этом авторы «Золотого телёнка» и писали в предисловии к роману: «... мы постановили: а) роман написать по возможности весёлый, б) буде строгий гражданин снова заявит, что сатира не должна быть смешной, – просить прокурора республики привлечь помянутого гражданина к уголовной ответственности по статье, карающей за головотяпство со взломом» [3, с. 4]. Сатира же Щедрина социально-политически заострена, и «чужое слово» в его произведениях – это зачастую один из элементов «эзопова языка».

Список литературы

1. Ершов, Л. Ф. Из истории советской сатиры [Текст] / Л. Ф. Ершов. – М. : Наука, 1973. – 155 с.
2. Ильф, И. Двенадцать стульев [Текст] / И. А. Ильф, Е. П. Петров ; предисл. и коммент. М. Одесский, Д. Фельдман. – М. : Вагриус, 1997. – 543 с.
3. Ильф, И. Золотой телёнок [Текст] / И. А. Ильф, Е. П. Петров ; предисл. авт.; ил. Е. А. Шукаева. – М. : Просвещение, 1987. – 288 с.
4. Ильф, И. Осторожно, овёяно веками! [Текст] / И. А. Ильф, Е. П. Петров. – М. : ИПО Полигран, 1992. – 96 с.
5. Лурье, Я. С. Россия древняя и Россия новая [Текст] / Я. С. Лурье. – СПб. : Дмитрий Буланин, 1997. – 407 с.
6. Некрасов, Н. А. Собрание сочинений. В 8 т. Т. 3. Поэмы. Стихотворения 1875–1877 гг. [Текст] / Н. А. Некрасов ; ред. К. И. Чуковский. – М. : Художественная литература, 1965. – 472 с.
7. Полонский, Я. П. Стихотворения [Текст] / Я. П. Полонский ; вступ. ст., подгот. текста и примеч. Б. М. Эйхенбаума. – Л. : Советский писатель, 1954. – 548 с.
8. Салтыков-Щедрин, М. Е. Собрание сочинений [Текст] : в 20 т. / М. Е. Салтыков-Щедрин; подгот. текста и примеч. В. Н. Баскакова и Д. М. Климовой. – М. : Художественная литература, 1965–1977. – Т. 12 : В среде умеренности и аккуратности, 1874–1877 ; Культурные люди, 1875–1876 ; Сборник 1875–1879. – 1971. – 750 с. – Т. 15, кн. 1 : Современная идиллия, 1877–1883. – 1973. – 380 с.
9. Строганова, Е. Н. «Современная идиллия» М. Е. Салтыкова-Щедрина в литературном пространстве [Текст] / Е. Н. Строганова. – Тверь : Золотая буква, 2001. – 256 с.
10. Фоменко, Л. П. Советские сатирики 1920–1930-х годов и творчество Салтыкова Щедрина [Текст] / Л. П. Фоменко // Творчество М. Е. Салтыкова-

Щедрина в историко-литературном контексте. – Калинин : Калинин. гос. ун-т, 1989. – С. 84–93.

11. Шекспир, В. Собрание сочинений. В 6 кн. Кн. 1. Гамлет [Текст] / В. Шекспир ; перев. А. И. Кронеберга. – Л. : Красная газета, 1929. – 152 с.
12. Яновская, Л. М. Почему вы пишете смешно? Об И. Ильфе и Е. Петрове, их жизни и их юморе [Текст] / Л. М. Яновская. – М. : Наука, 1969. – 216 с.

SALTYKOV-SHCHEDRIN'S TRADITIONS IN THE WORKS OF ILYA ILF AND EUGENE PETROV IN EARLY 1930S

T. V. Belova

Tver State University
Department of the history of russian literature

The article examines the influence of the satirical tradition of Saltykov-Shchedrin in Ilya Ilf and Eugene Petrov of late 1920s – early 1930s. Particular attention is paid to the functioning of a "foreign words" in these works.

Keywords: «alien word» *intertextuality, grotesque, parody, tradition*

Об авторах:

БЕЛОВА Татьяна Викторовна – кандидат филологических наук, доцент кафедры истории русской литературы Тверского государственного университета, e-mail: ruslit@tversu.ru, 170100, г. Тверь, ул. Желябова, 33.